

XXIX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

№ 4

Выходитъ ежегедьльно 52 № въ годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1898

Выданъ 24 января 1898 г.

Цѣна этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „Ниву“ 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

Дэзи.
Повѣсть
П. А. Сергѣенко.

(Продолженіе)

Дэзи шла легко. Она была въ бѣлой войлочной шляпѣ, превращенной при помощи шпильки въ треуголку, въ короткой коричневой юбкѣ и въ англійскихъ башмакахъ съ толстыми подошвами. Черезъ плечо у нея висѣлъ сѣтчаты мѣшочекъ, въ который она бросала срываемые по дорогѣ цвѣты и листья. Въ ея походкѣ чувствовались живой темпераментъ и выносливость. Герливановъ еле поспѣвалъ за нею. Въ своей каскѣ-шляпѣ съ развѣвающимися концами ленты и въ модныхъ желтыхъ „сорокоходахъ“ онъ казался иностранцемъ, случайно попавшимъ сюда. Не имѣя привычки ходить по неровной дорогѣ, онъ часто спотыкался и началъ утомляться. Но ему не хотѣлось показать это, и онъ поспѣшно шагаль за Дэзи.

Очувившись неожиданно передъ горнымъ ручейкомъ, текущимъ будто съ неба, Герливановъ предложилъ ей свою руку и мощь. Но она рѣшительно отказалась и, взявъ за рубашку Саню, легкомысленно ея нула черезъ задумалъ, что, будь когдѣ скорѣе бы отвѣдала змѣя, долока.

Въ большой стаканъ чаю въ серебряномъ чайничкѣ, закурилъ сигару и бросилъ ее на террасу. Дэзи улоглядѣ и, потянувшись къ отцу, спросила въ голосъ:

Эльзаска. Ориг. рис. А. Гёфлингера, грав.

Когда они поднялись на вершину горы, спускавшейся крутымъ обрывомъ въ море, ихъ усилія были вознаграждены открывшимся передъ ними видомъ. Солнце близилось къ горизонту и заливало все взморье огненнымъ потокомъ. Казалось, вода горѣла и воздухъ былъ насыщенъ золотистыми парами. Гребни волнъ отсвѣчивали бронзовыми тонами и имѣли видъ волшебныхъ существъ. Нѣкоторое время Герливановъ стоялъ молча, очарованный зрѣлищемъ.

Дэзи сѣла на камень и высыпала на колѣни сорванные листья и цвѣты. Тутъ были голубые васильки, полевой горошекъ съ блѣдными лепестками, ярко-желтыя звѣздочки пахучей ромашки, темно-малиновыя бархатистыя головки дикаго клевера и др. Дэзи сортировала цвѣты и, продѣвая стебель въ стебель, сплетала вѣнокъ для Сани. Герливановъ смотрѣлъ на ея пальцы съ длинными ногтями, подернутые отблескомъ заката, будто сурикомъ, и съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя морской воздухъ.

Сплетая вѣнокъ, Дэзи весело болтала съ Саней, затѣмъ повернула къ Герливанову свое лицо и сказала дружелюбно:

— Я очень много слышала о вашей пьесѣ *Лада*. Но, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось ее видѣть на сценѣ. Вы не откажетесь познакомить меня съ нею?

Герливанову были пріятны и просьба Дэзи, и ея пріветливый тонъ. Онъ наклонилъ голову и охотно пообѣщавъ выписать для Дэзи оттискъ *Лады*, отданнаго въ одинъ московскій журналъ. При этомъ его потянуло сказать ей или сдѣлать что-нибудь пріятное. Онъ былъ очень доволенъ, что судьба занесла его въ *Левяду* и познакомила съ Казанцевыми.

Замѣтивъ невдалекѣ лиловый цвѣточекъ, Герливановъ сорвалъ его для Дэзи, но къ своему удивленію замѣтилъ, что на томъ же стебелькѣ былъ еще и розовый цвѣтокъ.

— Поглядите, какая игра кавказской природы, — сказалъ онъ, наклоняясь къ Дэзи и протягивая ей цвѣтокъ.

Она подняла свое блѣлое овальное лицо съ чистыми, какъ у дѣтей, бѣлками глазъ и тѣмъ же дружелюбнымъ тономъ заявила:

— Тутъ нѣтъ игры Кавказа, этотъ цвѣтокъ и у насъ встрѣчается. Крестьянскія дѣвушки называютъ его: „любовь и весна“.

Герливановъ, очень любившій цвѣты, но мало знавшій ихъ природу, заинтересовался нѣкоторыми цвѣтами. Дэзи съ замѣтнымъ удовольствіемъ начала пополнять его свѣдѣнія. Она брала стебель цвѣтка въ лѣвую руку и осторожно прикасалась къ лепесткамъ мизинцемъ правой руки. И когда она говорила: „этотъ вѣничикъ“, „этотъ пестикъ“, „это рыльце“, то выраженіе лица у нея было теплое, а въ голосѣ звучали такія ноты, какъ будто рѣчь шла о ея добрыхъ знакомыхъ.

Отношеніе Дэзи къ цвѣтамъ очень заинтересовало Герливанова. Онъ старался запомнить интонацію ея голоса, позу и выраженіе глазъ, когда она говорила о цвѣтахъ. Его соблазняла мысль, развить любовь къ цвѣтамъ въ какомъ-нибудь женскомъ образѣ, создать сценку.

Она не могла воспринять въ немъ ничего серьезнаго, не отмѣтивъ его, какъ произведеній. И въ горѣ были цѣлые склады вся-

на Саню и начала отдѣлывать некоторые листья.

Тутъ гербарій и, какъ она сказала, начался къ ней.

ея гер-

— Благодарствуйте. Но у меня нѣтъ гербарія. Я собираю травы для лѣкарствъ, — сказала Дэзи, присматриваясь къ широкимъ пятнистымъ листьямъ, известнымъ въ народѣ подъ именемъ „кукушкиныхъ слезъ“.

Герливановъ опять перенесъ взглядъ на ея подернутые отблескомъ заката пальцы и спросилъ съ отгѣнкомъ удивленія:

— Вы занимаетесь лѣченіемъ?

— Да, немного.

— Когда вы успѣли научиться этому, будучи еще такъ молоды?

Лицо у Дэзи сдѣлалось серьезнымъ.

— Я совсѣмъ не такъ молода, чтобы не могла научиться тому немногому, что я знаю; мнѣ уже 26 лѣтъ; къ тому жъ деревня всему научить.

— Почему „деревня“? — спросилъ Герливановъ, отстраняя съ висковъ волосы, надвигаемые вѣтромъ.

— Я большую часть года провожу въ деревнѣ, гдѣ приходится почти каждый день наталкиваться на такую острую и неотложную нужду, что иногда просто стыдно дѣлается за свое безсиліе; и невольно хватаешься за ботанику, за медицину и даже за изученіе законовъ.

Все это Дэзи проговорила спокойнымъ тономъ, исключившимъ всякую сентиментальность.

Выровнявъ узкій листъ съ тонкими жилками на сѣрвовой изнанкѣ, она протянула его Герливанову.

— Вотъ, посмотрите: это, такъ - называемый, „узколистный подорожникъ“. Чудеснѣйшее средство отъ лихорадки! Одного приема иногда бываетъ достаточно, чтобы остановить самый упорный приступъ лихорадки. Между тѣмъ крестьяне топчутъ это растеніе, вымирая цѣлыми семьями отъ лихорадки.

Герливановъ смотрѣлъ на узенькій листикъ и слушалъ Дэзи. Но мысли его были сосредоточены не на подорожникѣ, врачующемъ лихорадку; онъ не могъ оторвать глазъ отъ безграничной водяной глади съ необыкновенно эффектнымъ освѣщеніемъ. И онъ думалъ:

„Господи, какъ хорошо здѣсь! И какъ красива эта группа: дѣвушка, съ смѣющейся дѣвочкой въ вѣнкѣ! Передать бы въ краскахъ или въ стихахъ этотъ дивный вечеръ и всю эту „неизреченную красоту“, разлитую кругомъ!..“

Дэзи окончила сортировку листьевъ, уложила ихъ въ мѣшочекъ и съ живостью поднялась.

Солнце уже на половину погрузилось въ море и залило весь горизонтъ багровымъ свѣтомъ. Дальнія горы приняли воздушные, нѣжно-фіолетовые тона. Издали можно было подумать, что это—облака, спустившіяся надъ горизонтомъ. Герливановъ залюбовался красивымъ зрѣлищемъ и заявилъ, что ему очень бы хотѣлось написать нѣсколько этюдовъ моря при закатѣ солнца.

Дэзи взяла Саню за руку и, спускаясь съ горы, замѣтила вскользь:

— Едва ли вы сдѣлаете удовлетворительно хоть одинъ этюдъ моря.

— Почему вы такъ думаете? — спросилъ съ удивленіемъ Герливановъ.

— Потому что море пяти минутъ не бываетъ одно и то же. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда присмотритесь къ нему. А за пять минутъ, что можно сдѣлать?

— Но какимъ же образомъ художники достигаютъ въ своихъ картинахъ поразительной правды? — спросилъ Герливановъ, желая этимъ вопросомъ косвенно опровергнуть Дэзи.

Она остановилась, чтобы отцѣпить юбку Сани отъ вѣтки „держи-дерева“, и, осторожно вынимая острые крючечки, проговорила:

— Признаться, картинъ моря съ „поразительной правдой“ я не встрѣчала никогда. Въ нихъ всегда

чего-нибудь не хватает: или глубина неба, или влажности воды. И вообще, развѣ можно передать въ краскахъ или даже въ словахъ нѣкоторыя впечатлѣнія? Вотъ хотя бы теперешній вечеръ? Тутъ и высота, на которой мы находимся, и свѣжестъ воздуха, и шумъ моря, словомъ, все, вмѣстѣ взятое, даетъ извѣстное впечатлѣніе. Художникъ же хочетъ передать это впечатлѣніе однѣми красками.

— Но что же дѣлать? Пока у насъ нѣтъ болѣе выразительныхъ средствъ, чѣмъ краски и слово, приходится довольствоваться хоть слабыми копіями нашихъ впечатлѣній,—сказалъ Герливановъ, помогая высвободить Саню изъ цѣпкихъ объятий „держидерева“.

Дэзи подняла покраснѣвшее отъ напряженія лицо и спросила:

— Почему нѣтъ „болѣе выразительныхъ средствъ“? А музыка?

— Вы считаете музыку болѣе выразительнымъ средствомъ, чѣмъ краски и слово?

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—безусловно.

— А именно?

И Герливановъ быстро обошелъ большой камень, обросшій мохомъ, стараясь идти рядомъ съ Дэзи. Дэзи подумала и сказала:

— Пробужденіе внутренней жизни... молитвенное настроеніе... благоговѣйный восторгъ. Ни слова, ни краски не могутъ передать это въ такой чистотѣ и силѣ, какъ музыка.

Герливанову показалось это неубѣдительнымъ, и онъ замѣтилъ мягко:

— Отчасти вы, конечно, правы. Но въ общемъ едва ли можно музыку считать краснорѣчивѣйшей выразительницей молитвы.

Дэзи подняла на него свои глаза, засвѣтившіеся мыслью.

— Почему?

— Потому что молитва и музыка идутъ, мнѣ кажется, разными путями. Музыка только тогда музыка, когда она полна гармоніи. Молитва же почти всегда есть нарушеніе гармоніи, однотонный вопль: „Господи, сдѣлай изъ чернаго бѣлое!“

— Это не молитва,—сказала серьезно Дэзи. И послѣ небольшой паузы добавила болѣе мягко:—т. е. въ томъ смыслѣ, какой вы придали вашимъ словамъ,— это не молитва.

— Можетъ-быть. Тѣмъ не менѣе почти всѣ такъ молятся.

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ живостью возразила Дэзи:—это только такъ кажется, потому что подобныя воззванія часто произносятся вслухъ. Истинная же молитва, которую вѣрующая душа возноситъ къ Богу, совершается незамѣтно и ускользаетъ отъ наблюдений. Иной несчастный человѣкъ, забитый нуждою и горемъ, урветъ когда-нибудь минуту, даже можетъ-быть подъ пьяную руку, и запоетъ разбитымъ голосомъ пѣсню; запоетъ и, вздохнувши, тайкомъ смахнетъ набѣжавшую слезу... И это можетъ быть его молитвой—чистой и пламенной, какой только и можно молиться, и безъ которой, мнѣ кажется, не можетъ обойтись ни одинъ живой человѣкъ.

— Нѣкоторые обходятся,—замѣтилъ уклончиво Герливановъ.

Слова Дэзи заинтересовали его, но не понравились ему. Онъ давно уже не молился и впервые слышалъ такую рѣчь отъ образованной дѣвушки. Его тѣмъ болѣе удивили слова Дэзи, что она была дочерью профессора Казанцева, считавшагося однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей.

На уклончивое замѣчаніе Герливанова Дэзи возразила убѣжденно:

— И это опять-таки только кажется, что они живутъ безъ молитвы. Недавно отецъ рассказывалъ мнѣ

объ одномъ явленіи, которое носитъ названіе „скрытой жизни“. Зерна пшеницы, пайденныя въ гробницахъ фараоновъ, послѣ десятковъ вѣковъ, прорастаютъ и даютъ плодъ. Ясно, что источникъ жизни никогда въ нихъ не изсякалъ, а только временно затихалъ. И какой-нибудь маленькій жолудь скрываетъ въ себѣ цѣлый дубъ со всеми его особенностями. Его корни, вѣтви и листья, правда, невидимы для насъ. Но они *безспорно существуютъ* въ жолудѣ. То же самое представляетъ и источникъ духовной жизни—молитва. Она таинственно сокрыта въ каждомъ человѣкѣ. Только неблагоприятныя условія иногда мѣшаютъ ей пустить свои корни и потянуться стеблемъ къ небу.

Герливановъ ничего не возразилъ на это. Никогда ничего подобнаго не приходило ему въ голову. И онъ подумалъ:

„Какая странная дѣвушка: занимается медициной и проповѣдуетъ молитву!“

Когда они начали подходить къ мысу, на пурпуровомъ фонѣ неба вырисовалась тучная фигура Казанцева въ широкой крылаткѣ. Онъ шелъ къ нимъ навстрѣчу и показывалъ рукой на *Левяду*.

Они обернулись.

Въ оконныхъ стеклахъ домовъ отражался солнечный закатъ; казалось, что у подножія горъ, окружавшихъ *Левяду*, горѣли таинственные свѣтильники.

Дэзи ускорила шагъ и съ оживленіемъ пошла къ отцу. Плывшее небо начало быстро тускнѣть. Когда они подошли къ *Левяду*, сумерки уже висѣли въ горахъ, и море приняло темно-сѣрый цвѣтъ.

Поровнявшись съ домомъ, гдѣ жили Казанцевы, они пригласили Герливанова къ чаю. На обширной террасѣ, выходящей къ морю, былъ уже накрытъ большой круглый столъ и приготовленъ чай.

Теплая южная ночь надвигалась на *Левяду* и погружала все въ теплый сумракъ. Воздухъ наполнился мѣрнымъ шумомъ прибоя и жужжаньемъ ночныхъ насекомыхъ... Вдали, на деревнѣ, залаяли собаки... По шоссе закричали телѣги и послышалось ржанье лошадей... Въ концѣ села, сильный мужской голосъ затянулъ: „Реве та стогне Днипръ широкий“ и вдругъ смолкъ.

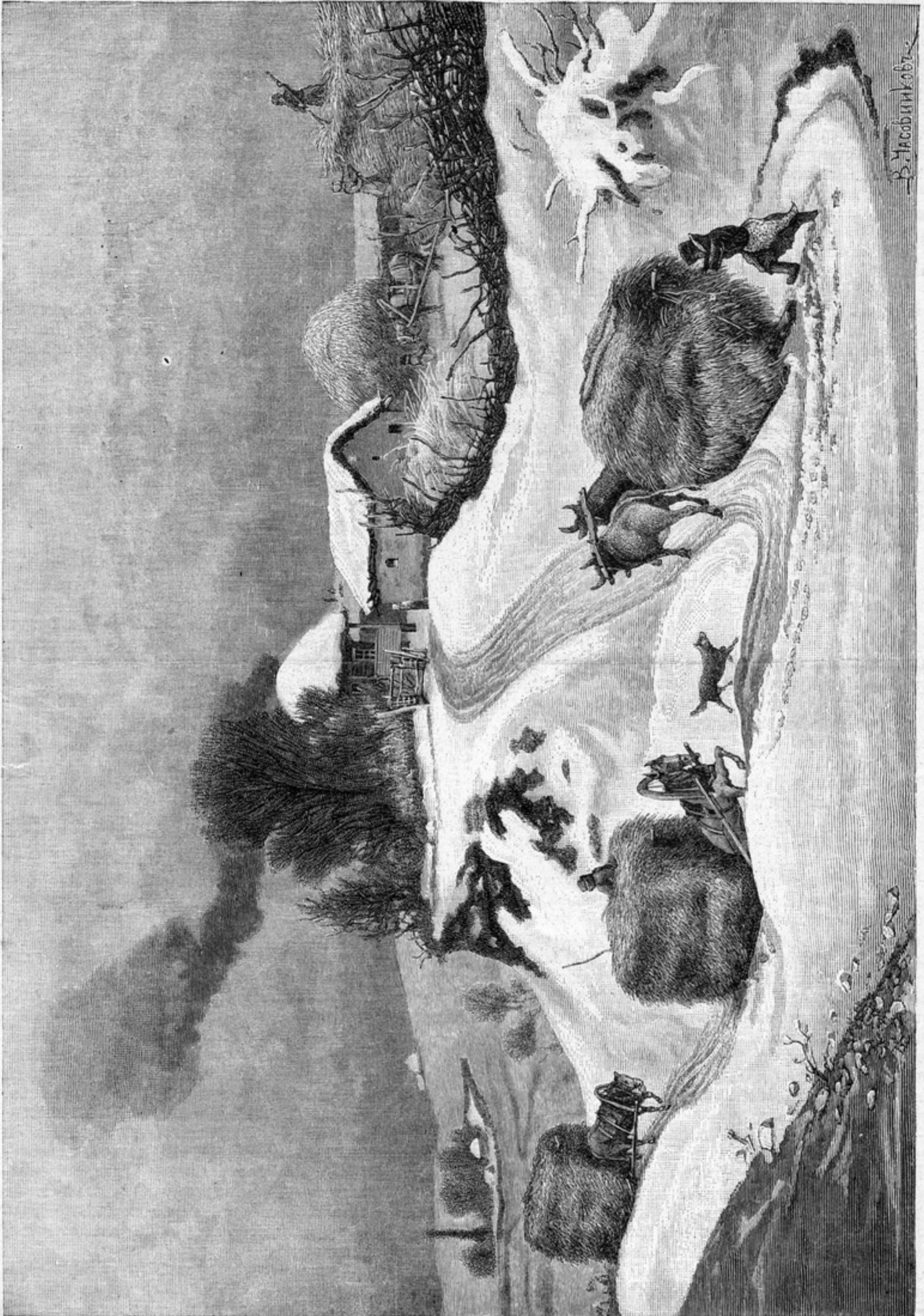
Герливановъ чувствовалъ пріятную усталость и наслаждался прекраснымъ вечеромъ. Ему было хорошо среди новыхъ знакомыхъ, интересовавшихъ его своей жизнью и взаимными отношеніями.

Наливала чай и распоряжалась всѣмъ Марія Осиповна. Герливанову сейчасъ же бросились въ глаза ея хозяйственные способности. Все у нея блестяло. И всѣ, видимо, подчинялись порядкамъ, устанавливаемымъ ею. Взаимная деликатность между ними чувствовалась даже въ мелочахъ. Всякій разъ передъ тѣмъ, какъ закурить сигару, Казанцевъ обращался просительнымъ взглядомъ къ Марьѣ Осиповнѣ. И она всякій разъ неизмѣнно-ровнымъ тономъ говорила:

— Пожалуйста, Павелъ Викторовичъ!

И заботливо подсовывала къ нему пепельницу или спички. Ея выдержанность, тактъ и пристрастіе ко всякому порядку просвѣчивались въ ея дѣйствіяхъ. Проживши дѣтство и юность въ Англии, Марья Осиповна впитала въ себя многія англійскія привычки и внесла ихъ въ домъ Казанцева. Неуклонное исполненіе взятыхъ на себя обязанностей и даже общепринятыхъ условностей—составляло отличительную ея черту; и Герливановъ сейчасъ же подумалъ, что, будь Марья Осиповна Евой, она скорѣе бы отвѣдала змія, чѣмъ запрещеннаго яблока.

Казанцевъ вынулъ большой стаканъ чаю въ серебряномъ подстаканникѣ, закурилъ сигару и бросилъ взглядъ въ окно, выходящее на террасу. Дэзи уловила этотъ взглядъ и, потянувшись къ отцу, спросила съ теплотою въ голосѣ:

Зимній вечеръ въ деревнѣ. Ориг. рис. В. Часовникова, грав. Рашевскій.

Однажды Герливанову было томительно скучно у себя в мезонинѣ и захотѣлось посидѣть съ Дэзи или съ Казанцевымъ. Было около 12 часовъ. Онъ вышелъ на улицу, стараясь держаться въ тѣни отъ палящихъ лучей солнца и направляясь къ Казанцевымъ. Но у калитки его встрѣтила Дэзи, поспѣшно шедшая куда-то.

— Вы къ отцу?—спросила она, подавая ему руку съ обычнымъ твердымъ пожатіемъ.

— Да...—замѣявшись, отвѣтилъ Герливановъ.

— Если по дѣлу, то идите. Онъ у себя въ кабинетѣ. Если же дѣла особеннаго нѣтъ, то лучше не беспокойте его теперь. Онъ очень дорожитъ утренней работой... Я до обѣда тоже занята и теперь иду по дѣлу,— сказала Дэзи, какъ бы извиняясь, что говоритъ съ нимъ на ходу и не приглашаетъ въ комнату.

— Тогда я ужъ не буду его беспокоить, потому что, правду говоря, я шелъ къ вамъ отъ бездѣлья и хотѣлъ немного „покалять“, какъ выражаются здѣшнія бабы.

Дэзи извинилась и быстрой, дѣловой походкой направилась въ переулочекъ; но ей очень понравилось, что Герливановъ сказалъ неправду.

Марья Осиповна съ самаго ранняго утра бралась за хозяйство, отнимавшее у нея до обѣда всѣ силы ея ума. Дэзи иногда въ шутку называла ее „сестрой Мар-ѳой, заботящейся о многомъ“. Но Марья Осиповна не обижалась за это сравненіе, будучи увѣрена, что, создавая въ домѣ порядокъ, чистоту и довольство, она настоящимъ образомъ исполняетъ свой долгъ. Замѣнивши послѣ смерти своей сестры мать для Дэзи, она ни на одну секунду не задумывалась надъ тяжестью взятой роли. Всякая мелочь, касающаяся Дэзи и Павла Викторовича, занимала Марью Осиповну больше, чѣмъ иное міровое событіе. И являться къ ней въ дообѣденное время съ какимъ-нибудь постороннимъ вопросомъ было вообще трудомъ тщетнымъ.

У Дэзи тоже съ утра начиналась дѣятельная жизнь, но въ другомъ родѣ. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ *Леванду* она уже знала наперечетъ всѣхъ, въ чемъ-нибудь нуждающихся. И ея большая солнечная комната, выбѣленная мѣломъ, представляла изъ себя то рабочій кабинетъ, то классную, то лѣчебницу. Окончивъ занятія съ двумя бѣдными греческими дѣвочками и черномазымъ Аметомъ, девятилѣтнимъ сыномъ Османа, Дэзи начинала принимать всякихъ просительницъ, нуждающихся въ ея совѣтѣ или въ помощи. Она внимательно выслушивала ихъ, серьезнымъ тономъ бесѣдовала и помогала деньгами или давала лѣкарства.

Когда онѣ уходили, Дэзи сама убирала свою комнату, провѣтривала ее, подметала, поливала цвѣты и приводила въ порядокъ пакеты съ различными травами, склянки, книги и бумаги. Послѣ этого она садилась за письменный столъ и приступала къ исполненію своихъ секретарскихъ обязанностей: просматривала для отца англійскіе и итальянскіе журналы, находившіеся въ ея вѣдѣніи, дѣлала на нихъ краснымъ и синимъ карандашомъ отмѣтки, переписывала исправленные лекціи отца и отвѣчала своимъ многочисленнымъ корреспондентамъ. Выходила она изъ дому до обѣда только въ крайнихъ случаяхъ, и всегда шла быстрымъ, дѣловымъ шагомъ, не вступая по дорогѣ ни съ кѣмъ въ разговоры, чтобы не запустить текущихъ дѣлъ.

Ея отношенія къ отцу очень занимали Герливанова. Онъ уже задумалъ построить на такихъ отношеніяхъ цѣлую поэму. Встрѣчаясь съ отцомъ, Дэзи всякій разъ такъ оживлялась, какъ будто не видала его Богъ знаетъ сколько времени, и ни съ кѣмъ она такъ охотно не бесѣдовала, какъ съ нимъ. И чѣмъ больше знакомился Герливановъ съ Казанцевыми, тѣмъ яснѣе становились ему ихъ отношенія. Казанцевъ какъ бы переживалъ въ ней свою молодость въ очищенномъ видѣ, а она тянулась къ нему душою, какъ къ наилучшему образцу

прекрасной жизни. Они дополняли собою другъ друга: она вносила въ его жизнь свѣжесть и молодость души, онъ въ ея жизнь—смыслъ и разумѣніе. Они были такъ близки между собою, что не могли уже *не понимать* другъ друга. Едва Дэзи начинала развивать какую-нибудь мысль, на открытомъ лицѣ Казанцева появлялись сочувствіе и одобреніе.

Гуляя по лѣсу или по берегу моря, Казанцевъ никогда не пропускалъ случая остановиться, чтобы сорвать для Дэзи какое-нибудь растеніе или поднять камень оригинальной формы. Иногда онъ набиралъ полные карманы такихъ камней и, придерживая оттопыренные карманы, казался еще болѣе похожимъ на большого медвѣдя.

Вскорѣ по пріѣздѣ Дэзи какъ-то обмолвилась, что бесѣда на музыкальномъ итальянскомъ языкѣ доставляетъ ей особенное удовольствіе. Казанцевъ ничего не сказалъ на это. Но черезъ нѣсколько дней, бесѣдуя съ Герливановымъ объ Энрико Ферри, онъ заявилъ, что послѣдній очень его интересуется своими „литературными изслѣдованіями“, съ которыми любопытно было бы познакомиться въ подлинникѣ, да жаль: онъ не знаетъ итальянскаго языка.

Дэзи, которую ничѣмъ нельзя было такъ подкупить, какъ нуждою въ ея помощи, заявила:

— Папа, хочешь, давай заниматься итальянскимъ языкомъ? Ты въ короткое время успѣешь научиться.

Павелъ Викторовичъ изъявилъ согласіе, и черезъ нѣсколько недѣль онъ уже могъ кое-какъ объясняться по-итальянски. Въ „итальянскіе дни“ онъ за обѣдомъ начиналъ съ Дэзи переговоры и, протягивая массивную руку, говорилъ:

— *Mia cara figlia, dammi... dammi...* *) какъ горчица?

— *La mutarda*. Но такъ не говорятъ: *cara figlia*. Лучше сказать: *carina*,—замѣчала съ улыбкой Дэзи.

— *Mia carina, dammi la mutarda!*— произносилъ горно Казанцевъ, протягивая руку за горчицей.

И черезъ нѣсколько минутъ онъ опять обращался къ Дэзи съ какой-нибудь сложной и, видимо, составленной въ умѣ фразой. Дэзи весело смѣялась и говорила:

— *Ecco... ecco, tu fai dei gran progressi!* **)

Казанцевъ заявлялъ, что прилагаетъ всѣ старанія, чтобы заслужить одобреніе своей наставницы. И весь день называлъ ее своей *маэстриной* (наставница).

Вслѣдствіе постоянного желанія угодить другъ другу, у нихъ выработалась особенная чуткость. Они съ полупамятка и полуслова угадывали мысль, желаніе и настроеніе другого. У нихъ даже были свои термины и опредѣленія. Такъ: словомъ *субботникъ* они обозначали человѣка, ставящаго форму выше сущности или идею выше человѣка, образовавъ это опредѣленіе изъ евангельскаго изреченія: „суббота для человѣка, а не человекъ для субботы“.

Достоинъ мышка гороха означало у нихъ положеніе человѣка, затратившаго много терпѣнія, силъ и искусства на какое-нибудь ничтожное, въ сущности, дѣло. Это опредѣленіе взято было изъ разсказа о томъ, будто къ Александру Македонскому привели однажды юношу, который необыкновенно искусно попадалъ на значительномъ разстояніи горошиной въ крошечную дырочку. Всѣ ждали отъ Александра удивленія и похвалы. И онъ, дѣйствительно, удивился ловкости юноши, похвалилъ его и велѣлъ выдать ему въ награду... мѣшокъ гороху.

Сдѣлавъ однажды это опредѣленіе по поводу одного государственнаго дѣятеля, Дэзи объяснила Герливанову смыслъ ея словъ. Ему очень понравилась эта характеристика, мѣтко выражавшая сущность упомянутого

*) Моя дорогая дочь, дай... дай...

**) Ну, ну! Ты дѣлаешь большіе успѣхи!

дѣтеля. И онъ самъ началъ часто прибѣгать къ „мѣшку съ горохомъ“, варьируя на разные лады это выраженіе.

Жизнь Казанцевыхъ, ихъ бесѣды, привычки и отношенія къ людямъ замѣтно начали отражаться на Герливановѣ. Онъ замѣчалъ это вліяніе и охотно подчинялся ему. Въ первый день пріѣзда ему показалось бы страннымъ пожать руку Осману. Впоследствии ему показалось бы страннымъ, если бы онъ не пожалъ руки Осману потому только, что тотъ простой лодочникъ.

Съ каждымъ днемъ первы у Герливанова успокаивались, и настроеніе его дѣлалось ровнѣе. Въ короткое время онъ значительно окрѣпъ, свободно совершалъ большія экскурсіи и сдѣлался отъ загара похожимъ на цыгана. Марья Осиповна находила, что это придавало ему особенную красоту, напоминавшую восточный типъ Іоанна Предтечи на картинѣ Иванова.

Она относилась къ нему съ заботливостью матери и трогала его своей предупредительностью.

Обладая счастливой способностью привлекать къ себѣ людей, Казанцевъ скоро стянулъ вокругъ себя всѣ мѣстныя силы. Въ обращеніи онъ былъ всегда привѣтливъ и въ каждомъ, безъ различія возраста и положенія, уважалъ прежде всего человѣческое достоинство. Это главнымъ образомъ и притягивало къ нему людей; и рѣдкій день у Казанцевыхъ не бывалъ кто-нибудь за вечернимъ чаемъ.

Герливановъ познакомился у нихъ со всѣми представителями мѣстной интеллигенціи. Наибольшее его вниманіе обратили на себя: владѣлецъ богатыхъ виноградниковъ, полковникъ Щелковъ, затѣмъ вольно-практикующій врачъ Березнякъ и, такъ-называемый „энциклопедистъ“, Егоръ Мартыновичъ Гагаринъ, плечистый старикъ съ длинной разноцвѣтной бородой, въ своеобразномъ костюмѣ съ широкимъ кожанымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ножъ въ футлярѣ и козловый кисетъ съ табакомъ. Отличительное свойство Гагарина заключалось въ томъ, что онъ *все зналъ* и, начиная съ сапогъ и кончая своимъ затѣйливымъ домомъ, съ необыкновенными вентиляціями и затворами,—все дѣлалъ собственноручно. Онъ рѣшительно ни передъ чѣмъ никогда не терялся; и, послушавши его, можно было подумать, что передъ вами одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ практиковъ въ мірѣ. Въ сущности же трудно было бы найти болѣе безалабернаго и бесполезнаго человѣка, чѣмъ былъ Егоръ Мартыновичъ Гагаринъ.

Прямую противоположность ему представлялъ докторъ Березнякъ—молчаливый молодой человѣкъ съ восковой блѣдностью лица, рѣдко улыбавшійся и ходившій въ поношенномъ платьѣ изъ грубой ткани.

Онъ переѣхалъ въ *Леваду* по настоянію товарищей, чтобы бороться со своимъ недугомъ—чахоткою. Но ему приходилось больше бороться здѣсь съ невѣжествомъ и лишениями. Даже зажиточные люди не всегда оплачивали трудъ Березняка, убѣдившись въ его нетребовательности; съ бѣдныхъ же онъ самъ не бралъ, а иногда еще и приплачивалъ, покупая для нихъ лѣкарства. Жилъ онъ на окраинѣ села, въ небольшой приобрѣтенной имъ землянкѣ.

Дэзи при первой же встрѣчѣ съ Березнякомъ отнеслась къ нему съ особеннымъ вниманіемъ. Она уже слышала отъ крестьянокъ о его гуманности и въ короткое время сблизилась съ его женою и съ нимъ. Они начали встрѣчаться почти каждый день. Иногда Дэзи ходила съ докторомъ къ больнымъ и быстро усваивала подъ его руководствомъ нѣкоторые приемы.

Профессоръ тоже съ большой симпатіей относился къ Березняку и высоко цѣнилъ въ немъ нравственную чистоту.

Но Марья Осиповна не долюбивала доктора. Онъ стѣснялъ ее своимъ поношеннымъ костюмомъ, своей молчаливостью и, въ особенности, своей болѣзнью. Она боялась за Дэзи. Далеко ли до грѣха: дышать по цѣлымъ часамъ однимъ воздухомъ съ чахоточнымъ?

Однажды Дэзи пришла отъ Березняковъ и закашлялась. Марья Осиповна измѣнилась въ лицѣ и, кинувъ встревоженный взглядъ на Казанцева, съ укоромъ замѣтила:

— Дэзи, ты ужасно не осторожна.

— Чѣмъ, тетя?

— У Березняка такая болѣзнь, а ты...

— Вы, Богъ знаетъ, что говорите, тетя!—прервала съ досадой Дэзи и вся всыхнула.

Марья Осиповна обидѣлась, но ничего не возразила, а только подняла свое величавое лицо съ двойнымъ подбородкомъ и какъ бы застыла въ собственномъ достоинствѣ.

Дэзи всячески старалась разсѣять образовавшуюся тучку. Причинивъ кому-нибудь неприятность, она очень страдала и дѣлала все, чтобы поскорѣе заживить нанесенную ранку.

Вечерній приходъ катера, привозившаго почту, вызывалъ въ *Левадѣ* большое оживленіе. Завидѣвъ въ морѣ красный огонь или слышавъ отдаленный гудокъ, всѣ спѣшили къ пристани. Дэзи и Герливановъ тоже отправлялись почти всякій вечеръ къ приходу катера и поспѣшно возвращались на террасу съ письмами и газетами въ рукахъ. У Казанцевыхъ была обширная переписка; нѣкоторыя письма, имѣвшія общественный интересъ, Павелъ Викторовичъ читалъ вслухъ. Послѣ этого и начинались оживленные бесѣды о жгучихъ событіяхъ, о новыхъ теченіяхъ въ наукѣ и въ искусствѣ, объ интеллигентныхъ колоніяхъ, объ экономическихъ теоріяхъ Генриха Джоржа и обо всемъ, что представляло общественный интересъ.

Герливановъ, не обладавшій даромъ краснорѣчія, рѣдко принималъ участіе въ оживленныхъ преніяхъ, но охотно прислушивался къ нимъ. Они раскрывали передъ нимъ черты характера и внутреннюю жизнь бесѣдующихъ.

Не признавая литературной манеры „списыванія съ натуры“, Герливановъ тѣмъ не менѣе почти у каждого человѣка бралъ какую-нибудь черточку.

Съ первыхъ же дней левадской жизни, въ немъ началась усиленная внутренняя работа. Многое для него начало проясняться.

(Продолженіе будетъ.)

„Дарица Алая“.

Очеркъ Б. Л. Тагѣева.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ ущелій Алайскаго хребта, посвящемъ названіе Яга-чартъ, подъ отвѣсною высокою скалою, ютится небольшой аулъ, состоящій не болѣе, какъ изъ десятка юртъ. Но не похожъ этотъ аулъ на прочія киргизскія кочевки. Какой-то особенный порядокъ царитъ здѣсь, да и сами юрты (кибитки) щеголяютъ красотой и роскошью. Приятно ласкаетъ глазъ высокая сочная трава и живописно разметающаяся арча (смолистое дерево въ родѣ пихты). Многочисленные стада барановъ и рогатаго скота, громадные табуны лошадей и верблюдовъ, оживляютъ этотъ красивый, хотя немногочисленный пейзажъ, придавая ему болѣе мягкій отблескъ. Около самаго подножія одной изъ горъ, не далеко отъ

аула стоитъ старая, маленькая юрта, рѣзко выдѣляющаяся среди прочихъ, богато украшенныхъ кибитокъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтивъ этотъ уголокъ грознаго Алая, я засталъ тамъ кинучую жизнь. Цѣлыя толпы веселыхъ киргизовъ обступили меня, скаля свои бѣлые зубы. Теперь, въ 1896 году, когда я, по обыкновенію, путешествуя въ Алайскихъ горахъ, заѣхалъ въ это уютное ущелье, меня сразу поразила необыкновенная тишина, царящая въ Яга-чартѣ.

Тѣ же юрты, сѣренькими грибочками выглядывающія изъ ковра зеленой травы, тѣ же стада барановъ, тѣ же киргизки, бѣгающія съ турсуками *) для приготовленія кумиса

*) Турсукъ: мѣшокъ изъ кожи для сохраненія воды.

Der Adlerkönig Dorn

Oberjäger des Prinz Regenten

Chaplin 977
Hindenburg

Adlerkönig
Hindenburg

Альпійскій охотникъ.

Ориг. рис. Аллера (изъ впагл Аллерс-Гауффера „Das Deutsche Jägerbuch“).

было, какъ прежде; но я не видѣлъ болѣе того радунія, съ которыми, бывало, встрѣчали меня хозяева этого аула, я не видѣлъ ихъ добродушныхъ скуластыхъ лицъ, и мнѣ стало необыкновенно грустно. Два киргиза въ черныхъ бараньихъ шапкахъ прошли мимо меня, бросивъ исподлобья сердитый взглядъ, и скрылись въ дверяхъ одной изъ кибитокъ; никто даже лошади моей не принялъ, а прежде со всѣхъ сторонъ сбѣгались люди, чтобы взять ее.

Увидя сидѣвшаго подлѣ юрты старика, я подѣхалъ къ нему и попросилъ по-киргизски, чтобы онъ проводилъ меня въ юрту къ Курбанъ-Джанъ-Датхи. Киргизъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ, укоризненно покачалъ головою и двинулся впередъ, указывая мнѣ путь. Подойдя къ маленькой, отдѣльно стоящей юртѣ, онъ отдернулъ козью, заслонявшую входное отверстие въ кибитку. На меня пахнуло чѣмъ-то кислымъ, прѣлымъ. Я удивленно посмотрѣлъ на своего проводника, думая, что онъ, не повявъ меня, привелъ къ какой-нибудь другой юртѣ, но тотъ какъ бы угадалъ мою мысль и, указывая рукою на дверь, сказалъ: „Мана Датха“ („вотъ Датха“). Я нагнулъ голову и вошелъ въ юрту. Мракъ, царившій внутри ея, и рѣзкій переходъ отъ свѣта къ темнотѣ не дали мнѣ возможности сразу рассмотреть внутренность юрты, но предупредительный проводникъ оттянулъ кусокъ козми, закрывавшей тентякъ (верхнее отверстие юрты), и я былъ пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ.

Въ трехъ шагахъ отъ меня, на голой землѣ, въ странномъ рубищѣ, сквозь дыры котораго сквозило сухое черное тѣло, сидѣла маленькая, жалкая старуха; ея рѣденькіе сѣдые волосы какими-то жалкими хвостиками покрывали сморщенное, похотнее на печеное яблоко, лицо. Она устремила на меня свои маленькіе слезящіеся глазки и, шамкая своимъ беззубымъ ртомъ, бормотала какія-то слова. Я пріѣлъ на корточки около нея и проговорилъ обычное привѣтствіе. Она дико посмотрѣла на меня и вдругъ захохотала своимъ старческимъ дребезжающимъ смѣхомъ. Холодъ пробѣжалъ по моей спинѣ отъ этого хохота... И это — датха*), это — бывшая царица Алая, передъ которой трепетали кокандскіе ханы, одного слова которой было достаточно, чтобы казнить и миловать? Это — та самая датха, которая нѣсколько разъ, окруженная своими сыновьями, принимала меня съ неиритворной радостью, которая еще два года тому назадъ, будучи 90-лѣтней старухой, верхомъ безъ отдыха проѣзжала 70 верстъ и которую въ 1895 году я видѣлъ еще совсѣмъ бодрой и здоровой... Боже мой, во что она превратилась теперь! Мнѣ стало необыкновенно тяжело, и я, быстро выбѣжавъ изъ юрты и вскочивъ на лошадь, отправился къ ожидавшимъ меня спутникамъ, вспоминая о датхѣ и ея жизни, полной глубокаго трагизма.

Курбанъ-Джанъ-Датха была женою одного изъ влестителей Алая, Алимъ-бека, управлявшаго имъ еще задолго до прибытія русскихъ въ Туркестанъ. Въ районъ его владѣній входили тогда всѣ горныя системы Алайскихъ горъ: богатѣйшая подножнымъ кормомъ долина Большого Алая, Заалайскій хребетъ и обширная площадь Памировъ, вплоть до владѣній кингайскихъ и Афганистана. Еще молодою женщиною датха овдовѣла. Мужъ ея былъ убитъ памиро-алайскими кочевниками во время сбора податей, и юная красавица-датха сдѣлалась правительницею Алая. Отмстивъ убійцамъ своего мужа, она собрала около себя цѣлую гурьбу преданныхъ ей батырей (батырей), а одного изъ нихъ избрала себѣ въ мужа, оставаясь все же полною правительницею Алайскаго царства.

Но не долго продолжалась замужняя жизнь правительницы. Вторымъ мужемъ былъ, спустя нѣсколькихъ лѣтъ послѣ свадьбы, убитъ въ стычкѣ съ китайцами, оставивъ ей трехъ сыновей: Абдулла-бека, Канчи-бека и Махмудъ-бека. Датха сама занялась воспитаніемъ своихъ сыновей, и изъ молодыхъ джигитовъ они постепенно превратились въ неустрашимыхъ батырей. Гордилась датха своими сыновьями, стойкими побѣдителями въ улакахъ**) и байгахъ***), и она видѣла въ дѣтяхъ своихъ вѣрныхъ и надежныхъ помощниковъ. Обладая твердой волей и энергичнымъ характеромъ, правительница Алая сразу сумѣла поставить себя въ независимое положеніе среди окружающихъ ее дикихъ народовъ и въ 60-хъ годахъ уже приобрѣла такое значеніе въ Средней Азии, что даже кокандскіе ханы, съ завистью относившіеся къ ней, посылали на Алай своихъ пословъ, снабженныхъ богатыми дарами. Однако, несмотря на это обстоятельство, ханы не хотѣли официально признавать ее „датхою“, т. е. правительницею, но въ семидесятыхъ годахъ она сумѣла заставить кокандскаго хана Худойра титуловать ее царственнымъ титуломъ и оказывать ей соответствующія почести. Но вотъ въ 1875 году всколыхнулось алайское населеніе. Достигли и до датхи слухи, что идутъ на Кокандъ побѣдоносныя русскія войска, передъ которыми уже пали одно за другимъ кокандскія укрѣпленія. Вотъ слышитъ она, что еданъ и Кокандъ, и наконецъ въ 1876 году доносится до царицы еще одна ужасная вѣсть, что Автобачи, этотъ знаменитый коноводъ кичаковъ,

взять русскими и отправленъ въ Россію. Вѣсть эта съ быстротою молніи разнеслась по вновь покоренному Кокандскому ханству и, переходя изъ ущелья въ ущелье, пронеслась надъ всѣмъ краемъ. Закинѣло, заколыхалось горное населеніе Алая, и шайки отважныхъ батырей стали пополняться новыми и новыми силами. Сердце Курбанъ-Джанъ-Датхи радовалось, что батыри грудью стояли за свою родину, не желая подчиниться „глурамъ“.

Всѣми силами старались муллы поднять мусульманъ на священную войну противъ русскихъ, а тѣмъ временемъ датха, не щадя ни силъ, ни средствъ, готовилась къ походу. И вотъ въ 1876 году огромныя шайки кичаковъ и кара-киргизовъ, имѣя во главѣ старшаго сына Датхи, Абдулла-бека, открыто возстали противъ Россіи. Это обстоятельство заставило Россію покончить съ Алаемъ, и въ томъ же году изъ Маргелана, подъ начальствомъ командующаго войсками Ферганской области генералъ-маіора Скобелева 2-го, выступилъ отрядъ, состоявшій изъ трехъ родовъ оружія.

Отрядъ этотъ, во главѣ съ своимъ храбрымъ начальникомъ, двинулся по Омско-Гульчинской дорогѣ и наконецъ остановился въ м. Гульча, откуда были высланы конные разъѣзды для рекогносцировокъ.

Много было ауловъ въ Гульчинской долинь, но какъ услышали киргизы о движеніи русскихъ, они бросились всѣ со скотомъ и скарбомъ къ Кангару, предоставивъ батырямъ защищать родную страну. Покинула свою дорогую родину и Курбанъ-Джанъ-Датха. Какъ мать разстается со своимъ дѣтищемъ, такъ и она разставалась съ Алаемъ, поручивъ его всецѣло своимъ сыновьямъ. Не торопясь отправила она свои многочисленныя стада въ Кангаръ черезъ суровый перевалъ Терекъ-Даванъ и велѣла за имуществомъ, въ сопровожденіи немногочисленныхъ джигитовъ и сына своего Канчи-бека, отправилась туда же и сама. Тяжело было на сердцѣ у царицы, но она не теряла надежды, и крѣпко вѣрила, что Аллахъ не допуститъ гибели ея дорогаго сокровища — Алая. Между тѣмъ Абдулла-бекъ съ братомъ своимъ Махмудъ-бекомъ и сподвижникомъ киргизовъ и кичаковъ твердо укрѣпились въ урочищѣ Янги-арыкъ, построили укрѣпленіе съ каменными завалами, и дали клятву, что отстоятъ свое орлиное гнѣздо. Воплѣтъ былъ увѣренъ Абдулла-бекъ, что позиція его неприступна, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся на большую воду въ рѣкѣ Янги-арыкъ, которая не дастъ русскимъ перейти на другую сторону. Тщетно старался русскій отрядъ выбить горцевъ изъ ихъ засады, пока, наконецъ, Скобелевъ не пріѣлъ къ труднымъ и большимъ обходамъ. Планъ былъ таковъ. Справа, со стороны перевала Талбыкъ (12000 ф. выс.), наступалъ отрядъ маіора Юнова, который, построивъ черезъ рѣчку Белаули всякій мостъ, зашелъ въ тылъ Абдулла-беку. Отступленіе же къ кургану Омаръ-бека отрѣзали двѣ казачьи сотни, подъ командою полковника князя Витгенштейна. Тутъ только Абдулла-бекъ увидѣлъ, что сопотвлѣніе невозможно, и бросился черезъ большой перевалъ Кизиль-артъ (14000 ф.) на Памиры. Летучій отрядъ князя Витгенштейна по пятамъ преслѣдовалъ Абдулла-бека, но тотъ, съ ловкостью горнаго козла, увертывался отъ него, завлекая такимъ образомъ князя въглубь Заалайскаго хребта, гдѣ весь летучій отрядъ чуть не погибъ у озера Кара-куль во время метели, отрѣзанный огромнымъ переваломъ, безъ провіанта и фуража. Благодаря этому обстоятельству, Абдулла-беку удалось вернуться отъ преслѣдованія русскихъ, и онъ съ небольшимъ числомъ людей, въ сопровожденіи своего брата, Махмудъ-бека, черезъ весь Памиръ, бѣжалъ въ предѣлы Афганистана и, приславъ оттуда заклятіе изъ корана, что не будетъ больше воевать, а также сломанный клинчъ (шашка) въ знакъ примиренія, ушелъ въ Мекку, но умеръ по дорогѣ въ пустынь. Между тѣмъ стада и имущество Курбанъ-Джанъ-Датхи были еще на пути къ Кангару разграблены китайцами, и бѣдная царица принуждена была броситься по слѣдамъ своихъ сыновей съ остатками уцѣлѣвшихъ богатствъ, т. е. къ перевалу Кизиль-Арту. Но и эта попытка ея оказалась неудачною. Не далеко отъ перевала наткнулась она на возвращавшійся отрядъ князя Витгенштейна, которымъ и была арестована и отведена къ генералу Скобелеву. Ласково обошелся съ илѣвицею бѣлый генералъ, одарилъ онъ ее почетными халатами, обласкалъ бывшаго съ нею сына, Канчи-бека, и совѣтовалъ ей воспользоваться ея безграничнымъ вліяніемъ на дикое населеніе и повліять на него въ духѣ миролюбія.

Умная царица, понявъ свое положеніе и не видя ничего унижательнаго въ подчиненіи себя русской власти, дала обѣщаніе туркестанскому герою, что миръ и тишина будутъ царить въ долинахъ Алая.

Послѣ удачнаго дѣла при Янги-арыкѣ, русскій отрядъ, переваливъ Алайскій хребетъ, черезъ перевалъ Талдыкъ, наконецъ вышелъ на долину Большого Алая и, окопавшись около мѣстечка Сары-Ташъ, ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій. Между тѣмъ шайки киргизовъ не переставали показываться и, несмотря на утрату своихъ предводителей, сильно безпокоили отрядъ, производя починныя атаки. Простоявъ нѣсколько мѣсяцевъ на Алаѣ, отрядъ прошелъ на западъ по долинь до ущелій Карамука, переваливъ черезъ перевалъ Кара-Казыкъ и, спустившись въ долину Шахимардана, черезъ Вуадиль, возвратился обратно въ Маргеланъ.

*) Датха — правительница.

**) Кочиная игра. Бросается зарѣзанный козель и всѣ стараются отнять его другъ у друга и привести къ хозяину.

***) Байга — скачка, похожая на европейскую.

Животныя, предсказывающія погоду.

Человѣкъ, какъ существо разумное, во всякое время имѣетъ возможность искусственными средствами защитить себя отъ неприятнаго или вреднаго вліянія погоды; животное же лишено этого и принуждено прибѣгать исключительно къ природнымъ средствамъ, какъ только инстинктъ самосохраненія подскажетъ ему, что надо опасаться погоды. Поэтому у многихъ изъ нихъ движенія, крикъ, выборъ мѣстопробыванія зависятъ не только отъ времени года, но и отъ той или другой погоды въ данное время. А такъ какъ всѣ дѣйствія, вызываемыя атмосферическимъ вліяніемъ, почти безъ исключенія необходимы для сохраненія жизни животнаго, то естественно было предположить, что у животныхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у человѣка, развита чувствительность къ самымъ даже малѣйшимъ измѣненіямъ въ состояніи атмосферы; иначе имъ пришлось бы въ несмѣтномъ количествѣ погибать отъ неожиданныхъ переѣвъ погоды, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Предположеніе это не только оказалось вполне справедливымъ по произведеннымъ наблюденіямъ, но эти же наблюденія показали еще тотъ поразительный фактъ, что въ некоторыхъ животныхъ чувствуютъ такія незначительныя измѣненія погоды, которыхъ не въ состояніи отмѣтить наши самые усовершенствованныя физическіе приборы. Такія чувствительныя животныя уже съ давнихъ поръ пользуются славою прорицателей погоды. Деревенскіе жители въ особенности привыкли предугадывать погоду по тому, какъ ведутъ себя тѣ или другія животныя. По большинство ихъ примѣтъ сильно напоминаютъ тѣ домашнія лѣчебныя средства, отъ которыхъ если пользы почти никакой нѣтъ, такъ ужъ и вреда никогда не будетъ. Всѣ эти кваканья лягушекъ, летаніе насѣкомыхъ стаями надъ дорогой—все это можетъ быть явленіемъ случайнымъ и относительно погоды обманчивымъ.

Гораздо большаго вниманія и довѣрія заслуживаютъ тѣ заключенія, которыя выводятся изъ тѣлесныхъ измѣненій животнаго, являющихся естественнымъ средствомъ для защиты его отъ дѣйствія предстоящей погоды. Если у пухлаго звѣря съ осени мѣхъ нарастаетъ гуще обыкновеннаго, если черепаха выкапываетъ себѣ на зиму пору глубже, чѣмъ всегда,—можно безошибочно рѣшить, что зима предстоитъ суровая. О близости наступленія зимы можно судить по болѣе раннему переселенію птицъ въ теплыя края, по болшему, чѣмъ обыкновенно, запасу корма, дѣлаемому бѣлками на зиму. Очень естественно, поэтому, если охотникъ, нащупывая болѣе пухлый, чѣмъ обыкновенно, мѣхъ у убитаго имъ звѣря, съ полною увѣренностью рѣшаетъ, что зима будетъ студеная; или если деревенскій житель, увидѣвъ возвратившихся на старое гнѣздо ласточекъ, начинаетъ приготовляться къ встрѣчѣ весны. По эти перелеты птицъ, это обрастаніе густою шерстью съ осени и линіаніе животныхъ весною—все это, повторяющееся изъ года въ годъ, если и служитъ примѣромъ мудрой работливости природы о своихъ созданіяхъ, то все-таки не представляетъ намъ доказательства крайней чувствительности животныхъ къ малѣйшимъ измѣненіямъ атмосферы. А между тѣмъ некоторые животныя обладаютъ этой чувствительностью въ самой сильной степени. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи нужно поставить пауковъ. Еще въ одномъ изъ сочиненій 1588 года, изданномъ въ Герлицѣ, рассказывается о способности паука предсказывать погоду; но съ тѣхъ поръ вопросомъ объ этомъ долгое время никто не занимался, пока, наконецъ, въ 1794

году, во время французской революціонной войны, одному науку, благодаря его чувствительности, не пришлось сыграть историческую роль и заставить о себѣ говорить.

Вотъ какъ было дѣло. Въ этомъ году французская армія, подъ начальствомъ генерала Пишегрю, переступила черезъ голландскую границу, намѣреваясь идти на Амстердамъ. Въ это время, въ одной изъ схватокъ, главный адъютантъ главнокомандующаго, Катремэръ-д'Исховвалъ, попалъ въ плѣнъ къ голландцамъ. Последніе, между тѣмъ, не считывая на свои силы передъ многочисленнымъ неприятелемъ, рѣшили прибѣгнуть къ такому средству: они открыли шлюзы и затопили болѣе низменныя мѣстности страны, сдѣлавъ этимъ дальнѣйшее наступленіе неприятеля невозможнымъ. Французы уже готовились перейти въ отступленіе, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, Пишегрю получаетъ отъ своего находящагося въ плѣну адъютанта извѣстіе, которое сразу заставляетъ его отмѣнить принятое рѣшеніе. Катремэръ, содержащийся въ одиночномъ заключеніи и отъ скуки наблюдавшій за ютившимися на его окрѣпостяхъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ и на поведеніи насѣкомыхъ за послѣднее время, рѣшительно утверждалъ, что черезъ десять дней начнутся морозы и вода замерзнетъ. Предсказаніе оказалось справедливымъ: морозъ оковалъ льдомъ залитыя водою пространства, французы перебрались по льду, заняли Амстердамъ, Катремэръ былъ конечно освобожденъ и съ триумфомъ вернулся въ Парижъ. Событіе это, разумѣется, обратило на себя всеобщее вниманіе, и долгое время послѣ того наблюденіе за пауками было любимымъ занятіемъ даже многихъ знаменитыхъ людей; и всѣ эти наблюденія приводили къ тѣмъ же результатамъ, какъ и у Катремэра. Если крестовый паукъ безконечно увеличиваетъ размѣры своей сѣти, если онъ работаетъ надъ этимъ даже ночью, то несомнѣнно, что предстоитъ прекрасная погода; такъ-называемый домовый паукъ, съ длинными лапками, тотъ передъ хорошей погодой поворачивается головою къ вѣтренному краю своей паутины и вытягиваетъ лапки во всю почти длину ихъ.

Очень близка къ науку, по своей чувствительности къ атмосферическимъ измѣненіямъ, пиявка. При ровной, неперемѣнной погодѣ, зимою и лѣтомъ, пиявки лежатъ обыкновенно, свернувшись, на днѣ. При приближеніи бури онѣ вдругъ начинаютъ волноваться, плавать, и такъ до тѣхъ поръ, пока буря не минуетъ. Если же предстоитъ гроза, онѣ всливаются на поверхность воды и, судорожно подергиваясь всѣмъ тѣломъ, остаются тамъ все время, пока снова не наступитъ равновѣсіе въ атмосферѣ. Нѣчто подобное замѣчается также и у некоторыхъ рыбъ: передъ грозой онѣ вдругъ начинаютъ взрывать иль до такой степени, что ихъ самихъ становится не видно въ помутившейся водѣ.

Среди птицъ имѣется тоже не мало такихъ, которыя передъ рѣзкою перемѣной погоды приходятъ въ сильное волненіе. Домашнія животныя тоже приходятъ въ безпокойство передъ непогодой. У нихъ такое явленіе проще всего объясняется тѣмъ, что масса насѣкомыхъ, которымъ становится тяжело летать въ сгустившемся отъ водяныхъ паровъ воздухѣ, густыми роями садится на животныя и безпокоитъ ихъ своими укушеніями. Впрочемъ, возможно допустить, что на животныя дѣйствуетъ и электричество приближающейся грозы.

Къ рисункамъ.

Брюнетка съ большими выразительными глазами, грустно смотрящими вдаль, вотъ портретъ типичной эльзаски, изображенной на нашемъ рисункѣ. Традиціонный головной уборъ, такъ-называемый „эльзаскій бантъ“, неизмѣнно украшаетъ ея густые волосы съ проборомъ посрединѣ, уменьшая высокій лобъ и смягчая строгость лица съ правильными линіями, говорящими скорѣй о молитвенномъ настроеніи дѣвушки, чѣмъ о радостяхъ земной жизни. Живописная шаль, падающая съ плечъ, и темный узорчатый лифъ со шнурами, который охватываетъ бѣлую одежду, приближаетъ эльзаску, по характеру костюма, къ уроженкамъ Шварцвальда.

*

Зимній вечеръ въ деревнѣ наступаетъ рано. Только что пачалась работа, а пора ее и кончать. По большой дорогѣ тянутся послѣдніе возы, запряженные волами и лошадьми. Во дворѣ поспѣшно складываютъ виламъ привезенную солому, и стогъ „растетъ, растетъ, какъ домъ...“

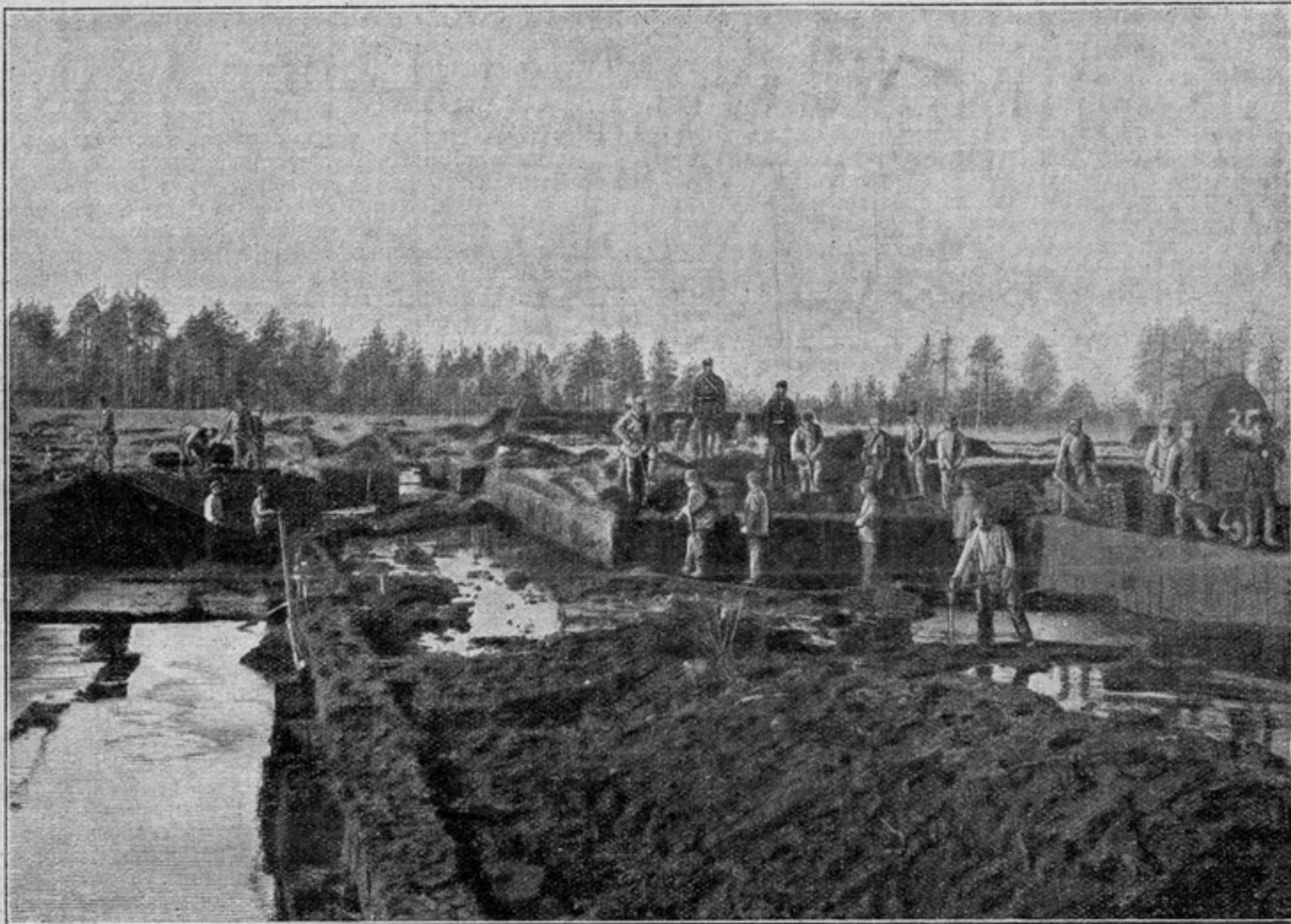
Въ ожиданіи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ;
Уши врозь, дугою ноги
И какъ будто стоя снитъ.
Только жучка удалая
Скачетъ, лая впопыхахъ.“

Картина Часовникова представляетъ снѣжный пейзажъ въ одномъ изъ малороссійскихъ уголковъ. На пригоркѣ возвышается дворъ, и дымъ, вылетающій черной полосой изъ трубы, подтверждаетъ, что жизнь въ хатѣ кипитъ ключомъ. Тамъ суетятся бабы, приготовляя ужинъ мужикамъ.

Тигръ давно уже признанъ самымъ кровожаднымъ и опаснымъ животнымъ въ мірѣ. Дѣйствительно, онъ держитъ въ вѣчномъ страхѣ не только животный міръ Азии, но и ея населеніе. Въ противоположность всѣмъ другимъ животнымъ и даже льву, вытѣсняемому и уничтожаемому человѣкомъ, тигръ безстрашно приближается къ человѣческому жилищу и нерѣдко своими безпрестанными набѣгами выгоняетъ непрошенныхъ гостей изъ своего пустынного царства. Тигръ—страшнѣйшій врагъ всякой колонизаціи, врагъ тайный, неожиданный и тѣмъ болѣе опасный. Въ Индіи, на примѣръ, гдѣ тигровъ особенно много, нерѣдко приходится созывать тысячи людей, чтобы хоть на время массовой охотой освободить извѣстную мѣстность отъ страшныхъ опустошеній, наносимыхъ этими хищниками. Въ узкомъ проходѣ Куткумъ-Занди расположилась на сторожѣ одна тигрица и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно умерщвляла по человѣку. Она приостановила всѣ сношенія съ этой мѣстностью, такъ что правительство вынуждено было назначить

большую денежную награду за уничтожение тигрицы, но и это не помогло: никто не рѣшался къ ней приблизиться. Одинъ тигръ на Явѣ, по словамъ Брэма, сломалъ крышу въ хижины и схватилъ одного изъ восьми яванцевъ, сидѣвшихъ вокругъ огня, задушилъ его и, ничуть не смущенный крикомъ остальныхъ, умчался съ своей жертвой тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ. Животныхъ тигръ подстерегаетъ на большихъ дорогахъ, проселкахъ и лѣсныхъ тропинкахъ, чаще же всего въ кустарникахъ по берегамъ рѣкъ, когда туда являюся животные на водной. Нѣтъ ни одного животного, на которого онъ не рѣшился бы напасть; даже молодые слоны и носороги не избавлены отъ его нападений. Два только рода существъ не даютъ тигру возможности неслышно и неожиданно накидываться на своихъ жертвъ; это — павлины и обезьяны. Павлины, отлично изучившіе привычки тигра, замѣтивъ тихо крадущагося хищника, ради собственного же спасенія влетаютъ вверхъ и громкими криками предупреждаютъ всѣхъ лѣсныхъ обитателей о приближающейся опасности. Обезьяны

писанныхъ очерковъ изъ охотничьей жизни, богато иллюстрированныхъ знаменитымъ нѣмецкимъ художникомъ Аллерсомъ. Нашъ рисунокъ на стр. 69, изображающій альпійскаго охотника Лео Дорна, главнаго егеря принца-регента Луитпольда Баварскаго, можетъ служить образцомъ рисунковъ, помещенныхъ въ этомъ изданіи. Лео Дорна, прозваннаго „орлинымъ королемъ“, знаетъ каждый охотникъ и турнетъ въ Альпскихъ Альпахъ. Гангоферъ, авторъ упомянутой „Охотничьей книги“, говоритъ о Дорнѣ слѣдующее: Дорнъ, — это образцовый типъ жителей нашихъ горъ: высокая широкоплечая фигура, точно изъ камня выѣченные члены, загорѣлыя отъ солнца руки, сжимающія при пожатіи точно стальными клещами, привѣтливое съ здоровымъ румянцемъ лицо, обрамленное длинной бѣлоснѣжной бородой, съ характерно изогнутымъ орлинымъ носомъ и блестящими глазами, судя по блеску которыхъ никакъ нельзя дать ему 62-хъ лѣтъ. Бодро и весело сидитъ на его сѣдой головѣ маленькая, войлочная шляпа съ отогнутыми верху полями и большимъ орлинымъ перомъ. Изъ году въ

Добыча торфа на Уралѣ арестантами. Съ фотогр. авторства „Пива“.

точно такъ же своимъ крикомъ часто предупреждаютъ о приближеніи тигра.

Тигръ почему-то до сихъ поръ считается одной изъ неизбежныхъ и страшныхъ принадлежностей жаркаго пояса. Между тѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ держитъ въ своей власти почти всю Азію, подобно тому, какъ въ когтяхъ льва находится вся Африка. Владѣнія тигра начинаются съ 8° южной широты и заканчиваются 53° сѣверной широты. Подъ этими широтами его можно встрѣтить на всемъ пространствѣ отъ южной части западнаго Кавказа и вплоть до Великаго Океана. Не мало встрѣчается тигровъ и въ предѣлахъ Россіи: на западномъ берегу Каспійскаго моря, въ киргизскихъ степяхъ между Иртышомъ и Ишимомъ на Алтаѣ, и затѣмъ выше, въ южной Сибири, у Байкальскаго озера и даже около Иркутска на Ленѣ. Суровый климатъ, снѣгъ и морозы еще болѣе ожесточаютъ здѣсь тигра. Въ мертвой тайгѣ, окутанной снѣгомъ, гдѣ сама природа наводитъ страхъ на человѣка своей безмолвной суровостью, тигръ еще болѣе страшенъ и болѣе опасенъ. Вѣчно голодный, озлобленный, рыщетъ онъ въ лѣсной чащѣ, и первое попавшее существо, — все равно, будь то животное или какой-нибудь несчастный таежникъ, скрывающійся отъ людей, обязательно становится добычей хищника.

*

Въ Германіи недавно вышло въ свѣтъ роскошное изданіе Аллера и Гангофера, озаглавленное „Das Deutsche Jägerbuch“ (Нѣмецкая охотничья книга). Это рядъ талантливо, ярко на-

году, въ жаръ и холодъ, ходитъ Лео Дорнъ все въ той же легкой курткѣ, короткихъ кожаныхъ штанахъ, не прикрывающихъ голыхъ коленъ; босые ноги обуты въ тяжелыя башмаки. „У меня очень нѣжныя ноги, — говоритъ онъ: — я не выношу шерстяныхъ чулокъ, — они раздражаютъ мнѣ кожу“. Лео Дорнъ недавно праздновалъ оригинальный охотничій юбилей: онъ подстрѣлилъ шестидесятаго орла (беркута), что и дало ему титулъ „орлиного короля“.

Игра въ жмурки (Collin Maillard) своимъ происхожденіемъ обязана одному историческому событію и получила свое названіе отъ извѣстнаго воина-храбраго Коллена, который въ 999 году, въ битвѣ подъ Люттихомъ, вооруженный мушкетемъ, выдержалъ нападеніе многочисленныхъ враговъ. Этимъ оригинальнымъ оружіемъ онъ и отражалъ удары, и наносилъ ихъ съ такой силой, что, если-бъ не потеря обоимъ глазъ, сражающимся пришлось бы плохо; но и лишенный зрѣнія, онъ все-таки еще долго не оставилъ поля сраженія. Отсюда и прозвище его „Maillard“, т. е. вооруженный мушкетемъ. Въ память описаннаго случая, французы, желая увековѣчить имя храбраго солдата, назвали имъ новую игру, знакомую всему образованному міру. Художникъ Жоао выбралъ ее сюжетомъ для своей картины, изящной кистью набросавъ группу молодыхъ людей, играющихъ въ жмурки. Костюмы неполнены въ стилѣ XVIII вѣка и поражаютъ эстетичностью и богатствомъ. Лѣтняя обстановка, мраморная статуя лукаваго амура, наконецъ, фигура великосвѣтской барышни съ завязан-

ными глазами, старающейся кого-то поймать по звуку голоса, производить милое впечатлѣніе. Описанная картина—изъ числа новинокъ, недавно красовавшихся въ салонѣ Елисейскихъ полей.

Свѣтлый, героическій образъ Орлеанской Дѣвы много разъ вдохновлялъ и продолжаетъ вдохновлять поэтовъ и художниковъ. Живописецъ Фредъ Розъ, также вдохновившись Жанной д'Аркъ, избралъ для своей картины одинъ изъ послѣднихъ моментовъ ея жизни. Жанна, какъ извѣстно, родилась въ началѣ 1412 г. въ простой крестьянской семьѣ, въ деревнѣ Домреми, на границѣ Шампани и Лотаринги. Господствовавшіи тогда во Франціи политическія распри проникали и въ деревенскую глушь, возбуждая въ народѣ страсти до такой степени, что отдаленныя деревни враждовали другъ съ другомъ, а мужская молодежь ихъ вступала иногда въ рукопашную борьбу между собою. Жанна поэтому съ малыхъ лѣтъ росла среди политическихъ распри. Рано развившаяся, не по лѣтамъ чуткая ко всему, дѣвочка скорбѣла душою при видѣ неурядицъ, а будучи очень религиозной, вѣрующей, молилась Богу за родину и твердо вѣрила, что настанетъ время, когда законный король изъ Орлеанскаго дома вступитъ на престолъ и умиротворитъ Францію. Славная, но трагическая ея судьба хорошо извѣстна читателямъ какъ изъ исторіи, такъ и по Шиллеровской драмѣ, блестяще переведенной Жуковскимъ; въ этой драмѣ намѣчены главныя событія побѣдоноснаго похода Орлеанской дѣвы, вплоть до коронаціи Карла VII. Историческая Орлеанская дѣва оказывается еще чище, еще возвышеннѣе шиллеровской: на ряду съ воинственнымъ воодушевленіемъ, она до послѣдней минуты своей жизни проявляла рѣдкую силу, непоколебимость, присутствіе духа, ясное пониманіе всего окружающаго и при всемъ этомъ трогательную сердечность и доброту. Во все время похода она ни разу не обнажила меча, предшествуя войскамъ лишь со знаменемъ въ рукахъ. Печальный конецъ постигъ эту героиню. 23-го мая 1430 года, при вылазкѣ изъ Комьеня, она попала въ плѣнъ къ бургундамъ. По повелѣнію англійскаго короля Гевриха VI она была передана суду, и вотъ мы видимъ 21-го февраля 1431 г. Жанну д'Аркъ на допросѣ въ Руанѣ, передъ лицомъ юристовъ-богослововъ, выросшихъ въ духѣ инквизиціи, которымъ не трудно было возвести на Жанну цѣлый рядъ вымышленныхъ преступленій. Результатомъ этого судища было ужасное сожженіе Орлеанской дѣвы на главной руанской площади, 30-го мая 1431 года.

Какъ высоко цѣнится въ Германіи незабвенное имя покойнаго нашего великаго пианиста и композитора Антона Рубинштейна,—служитъ примѣромъ слѣдующій фактъ. 18-го ноября истекшаго года, въ годовщину дня его рожденія, въ Штутгартѣ происходило освященіе бронзовой доски съ рельефнымъ портретомъ А. Г. Рубинштейна, утвержденной на стѣнѣ дома № 1 по такъ-называемой Аугустенштрассе, въ которомъ жилъ покойный виртуозъ въ 1856 году. Превосходно исполненная скульптура эта, съ большимъ сходствомъ передающая характерныя черты лица знаменитаго маэстро, исполнена

Теодоромъ Баушемъ. Художникъ этотъ родился въ 1849 году въ Штутгартѣ и здѣсь же получилъ свое образованіе въ мѣстной художественной школѣ, по окончаніи курса которой отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Дрезденъ, къ профессору Югану Шиллингу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ послѣдняго, между прочимъ—въ созиданіи грандіознаго національнаго памятника на Нидервальдѣ. Послѣ цѣлаго ряда поѣздокъ, съ художественными цѣлями, по Италіи и Франціи Теодоръ Баушъ снова поселился въ родномъ городѣ и создалъ здѣсь множество скульптуръ какъ для общественныхъ зданій, такъ и по частнымъ заказамъ. Въ другихъ южно-германскихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Страсбургѣ, Шпейерѣ, Дармштадтѣ, Ульмѣ, имѣется также цѣлый рядъ его выдающихся произведеній. Последнею работою его рѣзца является помѣщаемый

на этой стр. рельефный портретъ Рубинштейна.

Н. В. Покровский.

(Портр. на стр. 78.)

Вновь назначенный Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія и д. директоръ с.-петербургскаго Археологическаго института д. с. с. профессоръ Николай Васильевичъ Покровский извѣстенъ въ ученномъ мѣрѣ, какъ археологъ и знатокъ церковнаго искусства. Онъ—сынъ священника Костромской губерніи, родился въ 1848 году, образованіе получилъ сначала въ костромской духовной семинаріи, а потомъ въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ, по окончаніи курса въ 1874 году, занялъ каѣдру церковной археологіи и литургіи, въ званіи приватъ-доцента. Командированный въ 1876 году

за границу для ознакомленія съ методами преподаванія означенныхъ наукъ въ германскихъ университетахъ и для непосредственнаго изученія памятниковъ церковныхъ древностей въ европейскихъ музеяхъ, молодой ученый слушалъ лекціи спеціалистовъ и изучалъ памятники древности въ римскихъ катакомбахъ, въ музеяхъ Рима, Флоренціи, Парижа, Мюнхена, Дрездена и др.

По возвращеніи изъ путешествія въ концѣ 1877 года, приватъ-доцентъ Покровский продолжалъ чтенія въ академіи, организовалъ при ней коллекціи по церковной археологіи, составляющія теперь довольно богатый церковно-археологическій музей. Въ 1880 году онъ за свое сочиненіе: „Происхожденіе древне-христіанской базилики“ совѣтомъ академіи былъ удостоенъ ученой степени магистра богословія. Черезъ десять лѣтъ послѣ первой поѣздки за границу (въ 1888 г.), г. Покровский вторично былъ командированъ съ спеціальною цѣлю изученія памятниковъ византійской старины въ Константинополь, монастыри Афона, Солунь, Аѳины, Римъ, Флоренцію и Парижъ. Степень доктора богословія проф. Покровский получилъ въ 1893 году, когда представилъ на разсмотрѣніе совѣта академіи свое капитальное церковно-археологическое изслѣдованіе: „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“.

Минувшимъ лѣтомъ проф. Покровский принималъ весьма дѣятельное участіе въ устройствѣ при здѣшней духовной академіи временныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей и учительницъ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ,

Бронзовый медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ А. Г. Рубинштейна, прикрѣпленный къ дому въ Штутгартѣ, гдѣ жилъ въ 1856 г. покойный композиторъ. Скульптура Т. Бауша.

состоя въ званіи инспектора курсовъ. Своему бывшему инспектору и профессору, съ рѣдкой отзывчивостью, вниманіемъ и находчивостью удовлетворившему всѣ интеллектуальныя и матеріальныя нужды прибывших издали въ столицу тружениковъ народнаго просвѣщенія, слушатели и слушательницы курсовъ поднесли адресъ, написанный весьма изящно печатнымъ шрифтомъ (имитация) рукой одной учительницы, и красивый бронзовый письменный приборъ.

Въ Археологическомъ институтѣ, учрежденномъ Н. В. Калачовымъ въ 1878 г. и отпраздновавшемъ на-дняхъ свое двадцатилѣтіе, проф. Покровскій началъ службу съ самыхъ первыхъ дней его существованія, по кафедрѣ церковныхъ древностей.

Учено-литературная дѣятельность проф. Покровскаго довольно обширна. Кромѣ магистерской и докторской диссертаций и многихъ статей въ специальныхъ изданіяхъ, онъ напечаталъ слѣдующія крупныя работы: „Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ, греческихъ и русскихъ“, „Миньютюры Евангелія Гелатскаго монастыря XII в.“, „Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства“, „Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства“, „Сійскій иконописный подлинникъ“, и др.

Въ настоящее время новый директоръ Археологическаго института состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи, дѣйствительнымъ членомъ археологической комиссіи, русскаго археологическаго общества въ Петербургѣ, московскаго археологическаго общества и многихъ другихъ ученыхъ обществъ.

А. И. Абарина.

(Портр. на стр. 80.)

Новый годъ начался на Александринской сценѣ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ талантливой артистки Антонины Ивановны Абаринской, занимающей въ настоящее время въ драматической труппѣ амилуа grandes dames и „благородныхъ матерей“. Драматическою актрисой г-жа Абарина состоитъ собственно только двадцать лѣтъ; раньше она была въ составѣ русской оперы, въ которой пѣла контраaltoвыя партіи. Она начала свою сценическую карьеру весьма рано, чуть ли не восемнадцати лѣтъ, когда она блистательно окончила (съ большимъ золотымъ шифромъ) патристическій институтъ, въ качествѣ пенсіонерки императора Александра II за заслуги отца, извѣстнаго генерала Абарина. Отсюда уже видно, что наша юбилярша не дитя кулисы, а, напротивъ, принадлежитъ къ обществу и получила прекрасное образованіе.

Еще на школьной скамьѣ А. И. обращала на себя вниманіе голосомъ, который она, по окончаніи института, отпратилась совершенствоваться въ Италію. Тамъ она занималась подъ руководствомъ извѣстнаго профессора пѣнія Ламперти (потомъ училась у Виардо). На сценѣ она выступила въ Италію же подъ руководствомъ Реджи. Послѣ блестящаго дебюта, по возвращеніи въ Россію, въ Одессѣ, она была приглашена въ итальянскую оперу въ Москву; это было въ 1862—63 гг. Съ выходомъ замужъ г-жа Абарина оставила сцену на пять лѣтъ, но искусство продолжало ее прельщать, и она снова поступила на сцену, гдѣ подвизалась въ опереткѣ и въ оперѣ. Она пѣла партіи Вани, Спиридоновны („Вражья сила“), Паджа („Виндзорскія кумушки“), Помеллы („Фра-Дьяволо“), Изяслава („Рогнеда“), Авры („Юдифь“), Пьеретто („Линда-ди-Шамунд“) и другихъ.

Не знаешь, въ слѣдствіе какихъ причинъ А. И. рѣшила оставить карьеру оперной пѣвицы и перейти на драматическую сцену; но переходъ этотъ окончательно состоялся въ 1878 г. дебютомъ въ „Паутинѣ“ Мавна (Лемтюгина), и съ тѣхъ поръ она занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ труппѣ, сначала въ роляхъ grandes coquettes, а затѣмъ „благородныхъ матерей“ и grandes dames. Наибольшій успѣхъ имѣла г-жа Абарина въ роляхъ Демьяновой („Лакомый кусочекъ“), Реневои („Свѣтитъ да не грѣетъ“), Эльмиры („Тартюфъ“), Лидіи („Блуждающіе огни“) и др. За послѣднее время она играла съ выдающимся успѣхомъ княгиню Шастунову („Ольга Ранцева“),

Огудалову („Безприданница“), графиню („Le monde ou l'on s'ennuie“), Анну Ивановну („Ревизоръ“), княгиню („Плоды просвѣщенія“) и пр. Вообще эта артистка насчитываетъ огромное количество ролей, исполненныхъ ею съ успѣхомъ за время пребыванія на Александринской сценѣ.

Но дѣло конечно не въ количествѣ. Г-жа Абарина—артистка очень талантливая и образованная (она прекрасно говоритъ на шести языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, англійскомъ и испанскомъ, и конечно, русскомъ), много путешествовала по Европѣ, познакоившись основательно съ исполненіемъ лучшихъ иностранныхъ артистовъ. Слѣдствіемъ всего этого является у нея прекрасная, детальная обработка ролей, въ особенности историческихъ (вспоминаемъ ея Маргариту Пармскую въ „Эгмонтѣ“ Гёте) или классическихъ (Эльмира въ „Тартюфѣ“) и друг. Юбилей г-жи Абаринской былъ торжественно отпразднованъ 2-го января. Шла пьеса Потѣхина „Виноватая“. Артистка получила массу цвѣтотъ, вѣнковъ, драгоценныхъ подарковъ и пр. Такіе дни не забываются артистами и не часто выносятся имъ на долю.

В. Баскинъ.

Возстаніе въ Индіи.

(Рис. на стр. 79.)

Англичанамъ все еще не удалось справиться съ возстаніемъ, которое вспыхнуло лѣтомъ прошлаго года въ сѣверо-западной части Индіи на границѣ Афганистана. Читатели наши уже знакомы съ отдѣльными эпизодами этой кровопролитной борьбы. Вначалѣ трудно было предвидѣть опасныя размѣры, которые она приметъ. Возстаніе разрасталось постепенно; все новыя племена втягивались въ борьбу, притомъ племена очень воинственныя, извѣстныя своею дикостью, неустрашимостью и своимъ разбойническимъ наклонностямъ. Въ Индіи ихъ называютъ общимъ именемъ патановъ. Къ нимъ принадлежатъ афридин, хайберы, юзусан, вазири и оруксан. Но самое многочисленное изъ нихъ—племя афридѣевъ, которые сторожатъ хайберскій и кохатскій проходы и облагаютъ данью караваны, направляющіеся изъ Индіи въ Афганистанъ и обратно.

Англичане вѣлчески стараются усмирить эти племена. По временамъ это имъ удается, но потомъ разбойническіе и воинственныя инстинкты опять берутъ верхъ, и разгорается возстаніе, которое въ слѣдствіе крайне благоприятныхъ для инсургентовъ условий, т.-е. гористой малодоступной мѣстности, принимаетъ опасный характеръ. Такъ обстоитъ дѣло и съ нынѣшнимъ возстаніемъ патановъ. Первоначальныя побѣды англичанъ омрачились послѣдующими чувствительными пораженіями, такъ что англійскимъ войскамъ даже пришлось отступить. Силъ оказалось слишкомъ мало, чтобы подавить возстаніе, и пришлось мобилизовать армию въ 30,000 человекъ, чтобы на всѣхъ пунктахъ дать отпоръ инсургентамъ и перейти въ успѣшное наступленіе. Театръ военныхъ дѣйствій очень обширенъ, хотя онъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ хайберскомъ проходѣ, т.-е. на пути изъ Пешавера въ Кабуль.

Нашъ рисунокъ изображаетъ одинъ изъ моментовъ этой кровопролитной войны. Значительная колонна англійскихъ войскъ старалась проложить себѣ путь по саранскому проходѣ, но натолкнулась на сильно укрѣпленныя позиціи афридѣевъ, и ей пришлось отступить съ значительнымъ числомъ раненыхъ. Помощь оказалась необходимой, и колонна гелиографировала въ ближайшій майданскій лагерь съ требованіемъ подкрѣпленія. Этотъ моментъ изображенъ на нашемъ рисункѣ, по которому читатели составятъ себѣ ясное понятіе объ ужасахъ борьбы, разыгрывающихся теперь въ Индіи. Замѣтимъ кстати, что гелиографъ, т.-е. телеграфированіе при помощи солнечныхъ лучей, оказываетъ англичанамъ важныя услуги. Благодаря ему подкрѣпленія посылаются во-время въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ другихъ средствъ передачи извѣстій нѣтъ. Въ данномъ случаѣ гелиографъ также выручилъ англичанъ: подкрѣпленія пришли еще во-время, и англичанамъ удалось въ концѣ концовъ, хотя и не безъ тяжелыхъ потерь, очистить саранскій проходъ отъ афридѣевъ.

Политическое обозрѣніе.

Движеніе, вызванное безконечнымъ дѣломъ Дрейфуса, разсѣлось до размѣровъ опасной сумятицы, пользуясь которой враги республики, особенно крайніе элементы, стали уже раз-

считывать на возможность революціоннаго переворота. При такомъ положеніи дѣлъ вниманіе всей страны сосредоточилось на томъ, что происходитъ въ палатѣ депутатовъ, преимуще-

Возстание афридівъ въ Индіи. Отступленіе англичанъ съ горъ, подъ непріятельскимъ огнемъ, въ Майданскій лагерь.

По рис. Ш. Lond. News, автотипія „Швѣд“.

щественно на преніяхъ, вызванныхъ запросомъ бывшаго военнаго министра, генерала Кавеньяка.

Упрекая правительство въ неблаговидномъ поведеніи относительно столь шумнаго дѣла, Кавеньякъ просилъ министерство высказаться ясно, находится ли оно опаснымъ назвать державу, поименованную въ докладѣ по известному дѣлу, и въ такомъ случаѣ никто не сталъ бы настаивать на огласкѣ документовъ по этому предмету. Министръ-президентъ отвѣтилъ, что правительство не считаетъ возможнымъ огласить докладъ: парламентское обсужденіе имѣло бы судебный характеръ дѣла; при допущеніи преній палата въ сущности приступила бы къ пересмотру дѣла; кромѣ того, документъ не преданъ гласности по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ процессъ разсматривался при закрытыхъ дверяхъ. Прерываемый одобрительными возгласами палаты, г. Мелишъ рѣзко заклеилъ кампанію по дѣлу Дрейфуса и, осуждая журналистовъ — его сторонниковъ, прибавилъ, что правительство „сумѣетъ защитить армию“, которую „безчеститъ перо знаменитаго писателя“. Не допустивъ незаконнаго пересмотра процесса, правительство сумѣетъ также положить конецъ уличнымъ безпорядкамъ. Упрекнувъ затѣмъ печать и социалистовъ за ихъ образъ дѣйствія и воззваніе къ революціи, министръ-президентъ, при оживленныхъ знакахъ одобренія, закончилъ свою рѣчь словами: „необходимо, чтобы страна знала, что палата поддерживаетъ кабинетъ“. Послѣ этого Кавеньякъ взялъ свой запросъ назадъ.

Но запросъ радикаловъ былъ подхваченъ социалистами, вождь которыхъ, Жоресъ, сталъ нападать на правительство съ крайнимъ ожесточеніемъ. Во время запроса социалистовъ завязалась перебранка, а затѣмъ и драка между социалистами и депутатами правой, причѣмъ представитель послѣдней далъ пощечину оратору социалистовъ. Скандалъ заставилъ президента палаты, г. Бриссона, объявить перерывъ засѣданія. Изъ опасенія новыхъ безпорядковъ, засѣданіе палаты не было возобновлено вечеромъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, 12-го января, Жоресъ, съ одобренія палаты, продолжалъ свой запросъ: протестуя противъ разсмотрѣнія процесса при закрытыхъ дверяхъ, ораторъ настаивалъ на томъ, чтобы правительство содѣйствовало разъясненію дѣла; затѣмъ, обвиняя большинство палаты въ томъ, что оно передаетъ-де республику, уже 16 лѣтъ находящуюся въ рукахъ крупныхъ финансистовъ, — военной и клерикальной реакціи, Жоресъ сталъ утверждать, что республику защитятъ-де социалисты. Отказываясь отвѣчать на это, г. Мелишъ заявилъ, что правительство не въ правѣ присвоивать себѣ судебныя функціи. Послѣ продолжительныхъ рукоплесканій палаты, одинъ изъ ораторовъ правой обратился съ просьбой къ правительству „положить конецъ гнѣбной кампаніи“ и потребовалъ, чтобы правительство строго покарало клеветующихъ на начальниковъ арміи. На это г. Мелишъ отвѣтилъ увѣреніемъ, что правительство исполнитъ свой долгъ, да и законы достаточно охраняютъ интересы страны.

Вопросъ казался уже исчерпаннымъ, но противъ министерства выступилъ также съ рѣзкими нападками одинъ изъ вождей радикаловъ — Гоблэ. Отвѣчая ему, министръ-президентъ закончилъ свою рѣчь воззваніемъ „ко всѣмъ любящимъ Францію“, при шумныхъ одобреніяхъ большинства депутатовъ. Затѣмъ, по предъявленіи депутатами нѣсколькихъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, г. Мелишъ согласился съ формулой, одобряющей заявление правительства, потребовавъ ея первенства при вотированіи, что и было принято большинствомъ 354 голосовъ противъ 171, затѣмъ прошла и самая формула 376 голосами противъ 133, встрѣченная бурными рукоплесканіями палаты.

Къ общему удовольствію друзей Франціи, такимъ образомъ кризисъ миновалъ благополучно, а палата получила возможность вернуться къ своимъ неотложнымъ занятіямъ.

А. И. Абаринава. По поводу 25-лѣтія артистической дѣятельности на Императорской сценѣ. Съ фот. Е. Мрозовской-автогинія „Нивы“.

чла возможность вернуться къ своимъ неотложнымъ занятіямъ.

Разныя извѣстія.

— Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ Императорскаго Двора записки с.-петербургскаго градоначальника о сооруженіи зданія для обезпеченія жителей Галерной гавани на случай наводненія и другихъ бѣдствій, Высочайше повелѣть соизволилъ пожаловать отъ Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ, изъ суммъ Кабинета Его Императорскаго Величества, на постройку для упомянутой гавани зданія 25,000 руб. Въ составленной генералъ-майоромъ Н. В. Клейгельсомъ запискѣ было указано, что ни денежная помощь, ни раздача хлѣба и теплаго платья, ни бесплатный отпускъ дровъ, въ случаяхъ наводненій не составляютъ существенной помощи для пострадавшихъ, и что наиболее рациональнымъ и самымъ существеннымъ способомъ проявленія заботливости въ попеченіи о пострадавшихъ отъ наводненія является предоставленіе имъ теплаго жилья, хотя бы на время приведенія въ порядокъ затопленныхъ квартиръ. Предстоитъ неизбежная необходимость въ постройкѣ въ Галерной гавани большого зданія, разбитаго на мезкины квартиры и комнаты, гдѣ бы всѣ вообще лишеныя крова могли находить для себя ночлегъ во всякое время года, а застигнутые наводненіемъ — временное помѣщеніе, пока обстоятельства не позволятъ начать нарушенный обычный образъ жизни. Постройку означеннаго зданія предполагается произвести на достаточно возвышенной насыпи, что обезпечитъ отъ затопленія, въ случаяхъ наводненій, даже подвальныйя помѣщенія его.

— С.-петербургское педагогическое общество взаимной помощи задумало очень полезное дѣло — организовать курсы общеобразовательныхъ предметовъ. Слушателями этихъ курсовъ могутъ быть всѣ желающіе. Читатъ лекціи на курсахъ будутъ профессоры и специалисты, при чемъ чтенія будутъ происходить въ трехъ разныхъ частяхъ города. По выработанному уже росписанію лекцій въ I-мъ, невскомъ, отдѣленіи (во 2-й прогимназіи), будутъ читаться: въ понедѣльникъ — всеобщая географія, во вторникъ — русская литература и русская исторія, въ среду — всеобщая исторія и гигиена, въ четвергъ — географія Россіи, въ пятницу — анатомія и физиологія, въ субботу — русская литература и въ воскресенье — всеобщая исторія и гигиена. Во II-мъ, казанскомъ, отдѣ-

леніи (Зимній пер., д. 4): въ понедѣльникъ — тригонометрія и алгебра, во вторникъ — то же самое, въ среду — зоологія, ариметика и геометрія, въ четвергъ — ботаника и въ пятницу — курсъ начальнаго естествознанія. Въ III-мъ, васильевскомъ, отдѣленіи (12 линия, д. 23): въ четвергъ — русская литература и русская исторія, въ пятницу — то же и въ субботу — общая географія, а въ 8-й гимназіи: въ понедѣльникъ — всеобщая исторія и гигиена, въ среду — то же и въ пятницу — физика. Начало лекцій въ будніе дни съ 8 час. и въ воскресенье съ 6 ч. вечера. Курсы эти встрѣчены обществомъ очень сочувственно; занесъ желающихъ слушать лекціи растетъ съ каждымъ днемъ. Такъ, 14-го января, въ невскомъ отдѣленіи курсовъ, на вступительной лекціи по всеобщей исторіи проф. Ф. Ф. Зелническаго не хватило мѣстъ, многие слушатели стояли. Горькое сочувствіе общества, настоятельная потребность въ такихъ общеобразовательныхъ курсахъ и энергичное желаніе ихъ руководителей-педагоговъ заполнить этотъ пробѣлъ въ нашемъ народномъ образованіи служатъ уже значительнымъ ручательствомъ успѣха этого новаго, хорошаго дѣла. Въ обществѣ и печати новыя курсы получили лестное названіе „народнаго университета“. Дай Богъ, чтобы эти курсы росли и развивались и стали дѣйствительно первымъ русскимъ народнымъ университетомъ.

— 3-го января, въ 15-ти верстахъ отъ ст. Хардызскъ Екатеринбургской жел. дор., въ шахтѣ „Иванъ“ русско-донецкаго общества произошло страшная катастрофа, съгубившая нѣсколько десятковъ человѣкъ. По сообщенію *Приазовскаго Края* шахта „Иванъ“ находится въ районѣ Мактевской волости, тагарскаго округа и считалась по качеству и количеству добываемаго изъ нея угля одной изъ богатѣйшихъ. Число рабочихъ, работавшихъ въ ней, достигало 1,000 человѣкъ, разделенныхъ на двѣ сѣтны. 3-го января предполагалось произвести только нѣкоторые ремонтныя работы по установкѣ упорокъ и т. п., и потому въ шахту были опущены только желавшіе. По подсчету же, произведенному послѣ катастрофы, въ шахтѣ должно было находиться 137 человѣкъ. Приблизительно въ 7¹/₂ часовъ вечера, когда рабочіе были уже опущены въ шахту, изъ отверстія послѣдней и вентилятора показалась гро-

мадная масса дыма. Это-то и дало знать объ ужасномъ несчастіи, происшедшемъ подъ землей, на 107 саженьяхъ глубины отъ ея поверхности. Катастрофа, по словамъ рабочихъ, оставшихся въ живыхъ, сопровождалась оглушительнымъ гуломъ, похожимъ на залпы нѣсколькихъ пушекъ. Всѣ предметы, находившіеся въ шахтѣ, летѣли со своихъ мѣстъ въ разныя стороны. Вагончики, въ которыхъ перевозится уголь съ мѣста его добыванія къ каналу шахты, деревянные столбы, служившіе подпорками потолка въ подземныхъ ходахъ, лошади и сами люди — все это съ страшной силой разбрасывалось, ломалось, трещало, что, безъ сомнѣнія, увеличивало гулъ, сопровождавшій катастрофу.

Тревожными свѣтками немедленно было оповѣщено о несчастіи все рудничное населеніе. Вскорѣ къ шахтѣ собралось очень много народа, стекавшегося изъ всѣхъ ближайшихъ поселковъ.

Изъ собравшейся толпы народа болѣе храбрые бросились подъ руководствомъ трехъ штейгеровъ въ шахту спасать погнбающихъ. Изъ спасавшихъ нѣкоторые сами стали жертвами катастрофы, задохшись отъ выдѣлявшагося изъ шахты дыма.

Въ теченіе всей ночи подъ 1-е января кѣтъ то опускалась, то подымалась по главному стволу шахты, выносивъ раненыхъ и убитыхъ рабочихъ. Раненые немедленно отправлялись въ рудничную больницу, гдѣ они находили помощь двухъ врачей, а трупы убитыхъ — въ одинъ изъ баракровъ. Въ эту ночь было извлечено 40 труповъ и 18 раненыхъ. На другой день было извлечено еще 13 труповъ и 5 раненыхъ. Изъ числа этихъ раненыхъ впоследствии одинъ умеръ.

Причина взрыва пока не обнаружена. По предположеніямъ однихъ, взрывъ послѣдовалъ отъ закуриванія папирсы кѣмъ-либо изъ рабочихъ, другіе же допускаютъ, что взрывъ могъ произойти и отъ соприкосновенія свѣжаго воздуха, внесеннаго рабочими съ собою въ шахту, съ гремучимъ газомъ, накопившимся въ чрезмерномъ количествѣ.

Жертвами катастрофы сдѣлались не одни люди: въ шахтѣ находилось еще 56 лошадей. Изъ нихъ 13 убито и 2 ранено.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Безъ доставки съ 5 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ р. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговая линія, 6 р. 25 к. Съ доставкой всю въ Петербургѣ 6 р. 50 к. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7 р. За гр.-нищу 10 р.